

Иван Александрович Гончаров

Превратности судьбы

**Гончаров Иван
Александрович
Превратности судьбы**

И. А. Гончаров ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Очерк

В двадцатых годах нынешнего столетия, по Варшавской дороге, на перекладной телеге, подъехали к заставе в Петербург два путешественника. У шлагбаума, где была застава, один объявил себя польским помещиком Загрусско, а другой отставным штабс-ротмистром Леонтьем Хабаровым. Так писарь и записал их фамилии. Затем подняли шлагбаум и пропустили обоих..

Они остановились вместе в двух чистых комнатах, где-то близ Невского проспекта, и на другой день оба разошлись по своим делам.

Этот Хабаров служил в военной службе в Царстве Польском, которым управлял тогда великий князь Константин Павлович. Отец привез Хабарова почти прямо из корпуса в полк в одну из местностей царства, уже офицером, отдал его на руки начальству полка, а сам уехал, оставив сыну пятьсот рублей деньгами. Молодой Хабаров скоро свыкся в полку со своими товарищами, другими офицерами,

и производил также на начальство выгодное впечатление. Он был очень исправен по службе: не гулял, не пил, словом, был трезвым и исправным офицером. Годы между тем проходили, он привыкал все более и более к делу, в очередь получил следующий чин. Только денег у него было немного, вся беда заключалась в том, как ни старался он сберегать данные ему отцом пятьсот рублей, жить этими деньгами и офицерским жалованьем ему трудно было и в деревне даже, где стоял их полк. Он стал ухитряться, как бы вести свои дела так, чтобы не затянуться в долги и поддержать свое достоинство офицера. Для этого он купил за сто пятьдесят рублей, разумеется, ассигнациями, молодую лошадь, выездил ее отлично и сбыл в другой полк уже за тысячу рублей. Когда это удалось ему, через несколько времени он повторил опыт, купил другую лошадь, выездил ее, как первую, и опять сбыл. Таким образом, дела его были в хорошем положении. Он всегда был при деньгах, притом любим товарищами и уважаем начальством.

Отец, кажется, забыл о нем. Он писал к

нему раза два, но ответа не получил никакого, и стороной узнал, что старый Хабаров продал деревеньку и уехал в Москву, где и умер, не оставив сыну ничего. Матери своей .он лишился давно.

Молодой человек вздохнул раза три, утер украдкой слезу, наворачнувшуюся на глаза при печальном известии, махнул рукой и продолжал свое дело в полку. Он служил усердно, узнал толк в лошадях, выезжал их, сбывал в другие полки и жил почти припеваючи.

Так прошло года четыре. Он был уже поручиком и продолжал служить по-прежнему.

Вдруг великий князь потребовал их полк, как и прочие полки, из провинции в Варшаву, на какой-то смотр. Хабаров, как и другие офицеры, старались не ударить себя лицом в грязь: они усердно занимались выправкой людей и лошадей, и готовились сами, чтобы достойно предстать пред великого князя.

Проведя несколько дней в Варшаве, они успели приглядеться к тамошним порядкам и могли явиться на смотр, совсем подготовленные. Великий князь остался очень доволен смотром. Когда Хабаров подъехал к нему ор-

динарцем, на прекрасно выезженной им самим лошади, молодецки отсалютовал саблей, великий князь, обращаясь к его полковому командиру, бывшему в свите, сказал:

- Этого перевести в Варшаву, в мою гвардию. Когда полковой командир объявил ему об этой милости, надеясь его обрадовать, он встретил, к удивлению своему, одно гробовое молчание офицера.

- Вы, кажется, Хабаров, не рады этому случаю? - спросил он.

- Как не радоваться: только жить мне нечем будет здесь! Я бы попросил избавить меня от этой чести.

Полковой командир доложил об этом великому князю. Последовал приказ выдавать Хабарову вдобавок к жалованью по двести рублей в год. Это была безделица при том образе жизни, какой нужно было вести в Варшаве, в столице царства, где служба., обычай - было все другое, не так, как в деревне, где стоял их полк.

Но надо было исполнить волю великого князя, и Хабаров остался. Он промаячил еще кое-как года два, потом донес своему началь-

ству, что он не может существовать в столице, и просил уволить его от военной службы, для определения к другим делам.

Великий князь, наконец, согласился. Кроме обыкновенного указа об отставке, он дал ему свидетельство за собственноручной подписью в том, что он своею службою и поведением заслуживает полное одобрение и может исполнять все возлагаемые на него дела и поручения.

Снабженный этими документами, сколотив кое-как около тысячи рублей ассигнациями, продажей между прочим своей лошади, взяв свой мундир и вицмундир, данный ему при отставке, вместе с чином штабс-ротмистра, Хабаров из экономии подыскал себе попутчика, и вместе с ним на почтовых, в перекладной телеге, приехал, как сказано выше, в Петербург.

II

На другой день по приезде, утром, Хабаров надел мундир и отправился к одному из министров просить место городничего, где-нибудь в уездном городе. Он надеялся, что его документы откроют ему двери повсюду. Он

не ошибся. Министр принял его очень любезно и адресовал его к директору департамента, а директор позвал секретаря, велел ему рассмотреть документы Хабарова, и если там не было дурной отметки, записать его в кандидаты на просимую должность. Оказалось, что он был четырнадцатым, чающим движения воды. Его имя и адрес записали и велели время от времени наведываться. Но и только.

Он пошел домой в сильном раздумье от этого первого своего дебюта. Однако же он не упал от этого духом и успел с помещиком, с которым приехал и поселился вместе, пообедать и даже в театр сходить, также посмотреть город, который он давно не видел.

Прошло дня два-три. Кто-то надумил его просить или искать места смотрителя какого-нибудь казенного заведения. Он явился со своими аттестатами к новому начальству, которое заведывало этими местами. Но там оказалась такая масса лиц, желающих таких мест, что он не счел нужным даже записаться в кандидаты.

Наконец, по чьему-то совету, он обратился к почтовому ведомству, выразив желание

определиться почтмейстером в какой-нибудь уездный город. Но и там не оказалось для него места.

Недели через две он пришел осведомиться о месте городничего, но секретарь сказал ему, что с тех пор, как он записан, только двое поехали на открывшиеся вакансии, и что число записанных почти не уменьшилось, так что ему, Хабарову, месяца три или четыре придется подождать.

Хабаров сильно затосковал. Он наконец понял, что и с отличными документами можно просидеть без дела и без куска хлеба. Тогда ему предложили поискать частных занятий и указали места два или три.

III

Он явился к одному богатому человеку, который только что купил дом и искал управляющего. Он показал ему книги, росписание квартир и цены этим квартирам, какие из них в настоящее время заняты, какие пустые, сколько казенного долга числится на доме и прочее.

- Разберите все это, - сказал он, - и приведите в порядок! Я купил дом и не могу один со-

образить ни доходу, ни того, кто мне должен, кто заплатил за квартиру, кто нет, ничего! Все это есть в этих бумагах. Потом надо осмотреть квартиры от чердаков до подвалов. Завтра мы об этом поговорим.

Хабаров взял все бумаги к себе и разобрал их на досуге и по возможности привел в порядок. На другой день он пошел осматривать квартиры, потом чердаки и подвалы и нашел в этих последних помещениях много хламу, ненужных вещей и вообще большой беспорядок. При осмотре пострадал его вицмундир. Когда он лазил, то вынес на себе пыль, сор и всякую дрянь.

Он принялся прежде всего за дворников и велел одному из них стоять у ворот по очереди, а других заставил сносить с чердаков ненужные вещи в пустую кладовую. Он занимал этих людей дня три-четыре. Двоих, которые из-за пьянства не явились к делу, он прогнал и вместо них взял новых. Потом обошел всех жильцов, которые не внесли за квартиру, потребовал с них денег, чем вдруг нажил себе много врагов.

В доме про него говорили, что новая метла

всегда хорошо метет, оттого-де управляющий так и старается. Но прошло пять, шесть недель, Хабаров не только не унимался, но усердствовал все более и более, за всем смотрел зорко и постоянно занимал работой дворников, так что они плевали на все и уходили в кабак, лишь только управляющий куда-нибудь отлучался. Он добывал их и там и так надоел всем в доме, что его возненавидели и стали жаловаться на него хозяину дома.

Сначала хозяин не слушал и только смеялся над жаловавшимися и одобрял распоряжения управляющего. Но наконец все это до того надоело ему, что он решился или как-нибудь помирить этого чересчур усердного управляющего с врагами его, или пожертвовать управляющим. "Не гнать же из-за него всех жильцов!" - думал он. - Вы отлично распорядитесь! - сказал он, пригласив Хабарова к себе. - Но войдите и в мое положение: не проходит дня, чтобы кто-нибудь на вас не пожаловался! Он засмеялся.

Хабарову было не до смеха, он принужденно улыбнулся и сказал:

- Ну, тогда увольте лучше меня.

- Нет, зачем же? Посмотрим, что будет дальше! - улыбаясь, сказал хозяин. И оставил пока его.

Прошло еще недели две. Вдруг в доме случился отчего-то пожар, так что Хабаров успел только спасти вицмундир, белье, немного денег и документы по дому. Все же остальное, в том числе мундир его, тоже, сгорело.

Когда прискакала пожарная команда, флигель, где он жил, был уже объят пламенем. Огонь скоро успели потушить, но дворников не оказалось налицо: все они разбежались еще до пожара, и в доме были смутные слухи о поджоге... На другой день хозяин его пригласил к себе. - Я знаю, что вы не виноваты, сказал он: - все думали, что вы новая метла, а вы исправный и честный человек, оттого все и напали на вас и чуть было не сожгли, как не даром говорят в доме. Тут надо не такого человека, как вы, а собаку! Такого я и сыщу! А пока прощайте и извините меня! Вот вам заработанные вами сто рублей.

Хабаров с тем, что у него осталось, печально вернулся домой. Он прежде жил где-то на хлебах у хозяйки и занимал небольшой уго-

лок. Теперь, после пожара, вернулся к ней же. Взятые им из Варшавы деньги были израсходованы, и жить приходилось трудом. На квартире теперь стояла его кровать и единственный стол и стул, на котором он поместил другую пару белья, а на стене рядом повесил, сняв с себя, свой вицмундир и фуражку с своими документами.

- За что же уволил вас от должности этот барин? - спросила его хозяйка.

- За что? За исправность! - со вздохом сказал он и погрузился в уныние.

Однажды, когда он особенно был задумчив и не в духе, хозяйка его сказала ему, что один купец ищет себе на пристань у Смольного приказчика за 25 рублей в месяц, так не пойдет ли он к нему? "Ему, дескать, нужен честный человек!" На другой день он пошел к этому купцу, по прозванию Сивкову, которому показал свои документы. Тот принял его и сказал, что он рад иметь дело с "благородным" человеком, ему-де такой нужен, а то все "плуты да мошенники!" Он поставил его в амбаре у Смольного, куда с барок складывали кули муки, а оттуда, под присмотром приказ-

чика, развозили их купцам, забиравшим хлеб у Сивкова.

Сначала все шло как по маслу. Вozy брали из амбара кули и отвозили купцам, а Хабаров отмечал число кулей, записывал в тетрадь и отдавал ее каждый день хозяину. Так прошло недели три-четыре, приехали от какого-то купца несколько возов, взяли около сотни кулей и уехали. Хабаров отметил число кулей в своей тетрадке и, по обыкновению, отдал ее хозяину. Но купец, на которого показали подводы, забравшие кули, отозвался, что он никаких кулей не требовал и за ними подвод не посылал. Оказалось, что мужики с подводами были сами по себе и заметив, что рассылкой кулей распоряжался не их брат-мужик, а "благородный", решили понадуать его и показали на купца облыжно, а мукой воспользовались в свою пользу. Хабаров их в лицо не знал и отпустил доверчиво кули. Удивленные хозяин и купец, на которого показали мужики, приступили к нему с вопросами. Он не мог указать подводы, потому что не знал в лицо ни купца, ни мужиков.

- Вот что, ваше благородие, наш-то простой

человек, приказчик, заметил бы этих самых мужиков в лицо и что они не тово... не от хозяина приехали, а сами по себе. - При этом купец не то крякнул, не то вздохнул. Я сыщу этих самых возчиков, а вы нам нерука! - прибавил он. - Вот вам пятьдесят рублей, что вы зажили у нас! Бог с вами, нам таких не надо!

Купец выдал ему рублей пятьдесят ассигнациями и расстался с ним,

Хабаров пришел домой совсем расстроенный своею неудачей.

- Что ж стало с вами? - спросила его хозяйка, когда он не пошел к своему делу ни завтра, ни послезавтра. - За что ж этот купец отказал вам?

- За неисправность! - с горькой усмешкой отвечал Хабаров,

- Ох, вы, сердешный! - сказала добрая женщина. Дня через три он пошел навеститься о месте городничего или исправника, потом почтмейстера, потом смотрителя казенного дома. Но везде был принят сухо, а в некоторых местах швейцары не допустили его даже до приемной, видя его потертый вицмундир, и грубо ему отказывали. - Вам сказано, что ж

вы лезете! - сказал один.

- Много вас этаких шляется! - отвечали в другом месте на его смиренный вопрос. Он вздохнул и пошел далее.

На другой день он пробрался в Казанский собор и помолился там Божией Матери, потом вышел и машинально стал смотреть, как на Екатерининском канале воротом тащили большой камень на пьедестал какого-то монумента. Неизвестно, сколько времени он простоял в грустном раздумье. Приказчик в синей сибирке вдруг пригласил его занять пустое место и вместе с другими тянуть канат.

- Что так-то стоять да зевать: принимайся-ка за дело! - промолвил он: - получишь рубль в сутки, на полу не поднимешь.

"Видно, в самом деле я обносился! - подумал Хабаров - и мой вицмундир не спасает меня от обид!"

Постояв еще немного, он молча встал у шпилья на пустое место и вместе с другими потянул ляжку... На другой день ранним утром он пришел на ту же работу и встал к шпилью вместе с другими. На третий, на четвертый день то же, и так он проработал дней двена-

дцать, доставив ту же работу проживавшему вместе с ним у той же хозяйки какому-то Штукину. Но этот, однако же, не всякий день аккуратно являлся к Казанскому мосту, а, заработав небольшие деньги, предавался любимому занятию - пьянству.

Проработав дней двенадцать, Хабаров захотел наконец отдохнуть, тем более, что от непривычного труда на шпиле ладони у него покрылись мозолями.

IV

День был солнечный, ясный. Купив ситного хлеба и несколько печеных яиц, Хабаров вышел за город и, пройдя несколько верст, сел на траву на краю канавы и стал завтракать, чем бог послал. Утолив немного голод и отдохнув, он пошел дальше, погруженный в глубокое раздумье о своей горькой участи. Долго ли, коротко ли он шел, он ничего не помнил. Очнувшись от задумчивости, он шел дальше, оглядывался кругом и опять шел. Он даже времени не считал и не соображал - и не по чем и незачем было - и все шел. Вдруг, нечаянно взглянув перед собою, он увидел какие-то здания, как будто улицы, словом, го-

род. Он робко вошел в него, пошел по длинной улице, дошел до какого-то дворца и сада. У ворот стоял инвалид, который на его истертом вицмундире увидел офицерские знаки, вытянулся в струнку.

- Можно туда? - робко спросил Хабаров, показывая на сад.

- Можно, ваше благородие, пожалуйста!

Хабаров, нахлобучив на себя фуражку, углубился в уединенную аллею сада, погруженный в тяжелые размышления. Его грызла неотступная мысль, что ему теперь осталось делать? Умереть, наложить на себя руку... Боже сохрани! Он отгонял от себя эту мысль, он был христианин, он веровал, молился... Но все средства были им истощены... ничего не осталось, ничего... А сам все шел...

Вдруг в его грудь уперлась чья-то рука, с красным обшлагом, и вместе с тем раздался строгий голос: - Кто ты? Зачем здесь? Как сюда зашел? Хабаров поднял глаза: перед ним сам император Александр Павлович.

- Кто ты такой? - спросил грозно император.

Хабаров снял с себя фуражку и тихо отве-

чал:

- Отставной штабс-ротмистр Хабаров.

- Вероятно, выгнанный из полка за пьянство и гнусное поведение?

Хабаров достал не разлучавшиеся с ним из фуражки свои документы, указ об отставке и рекомендательное письмо великого князя и подал их императору.

Государь машинально взглянул на указ об отставке, но с особенным вниманием прочитал свидетельство великого князя.

- Что ж довело вас до этого положения? - спросил, понизив тон, государь.

Хабаров собрался с силами и рассказал государю историю всего того, что он претерпел в Петербурге с тех пор, как оставил военную службу. Как он в нескольких местах был записан кандидатом, где именно, как сначала секретари, потом швейцары отгоняли его от дверей, потом рассказал о частных своих занятиях, наконец перешел к работе у шпиля и в заключение показал свои дрожащие, покрытые мозолями руки.

Выслушав этот простой, но красноречивый рассказ и взглянув на покрытые мозоля-

ми ладони Хабарова, государь вынул платок и закрыл им глаза.

- К Дибичу! - сказал он, указывая в сторону дворца, - он узнает мои повеления!

Он отвернулся и пошел от него прочь, закрывая глаза платком.

Хабаров стоял неподвижно минуты две, пораженный тем, что произошло. Он той же аллеей вышел вон из сада и у того же инвалида спросил, где живет Дибич. Инвалид показал на дворец.

- Там вам скажут где! - промолвил он.

Хабаров пришел и дворцу и спросил, где живет генерал Дибич. Какой-то придворный лакей мимоходом показал на дверь и скрылся. Хабаров вошел.

В передней, в зале, никого не было, ни курьера, ни лакея. В следующей затем комнате Дибич барабанил пальцами по стеклу и что-то насвистывал.

Хабаров, постояв еще несколько минут, наконец кашлянул, чтоб обратить на себя внимание генерала.

- Кто ты такой? Как сюда зашел? Отчего о тебе не доложили? обернувшись, спросил он,

как государь.

- Я отставной штабс-ротмистр Хабаров, и меня послал к вам сам государь! - отвечал Хабаров и подал ему свои документы.

Дибич посмотрел и тот и другой документы, потом взглянул еще раз на Хабарова и сказал ему:

- Я сегодня увижу государя и узнаю его волю на ваш счет, а теперь, видя ваше положение, я догадываюсь, что вам нужно вот это!

С этими словами он подошел к столу, достал сто рублей и подал их Хабарову.

- Запишите ваш адрес,- сказал он и позволил.

Тут явились и адъютанты, и курьеры, и лакеи, записал фамилию и адрес Хабарова.

Хабаров, имея сто рублей в кармане, не сообразил, что он может домой приехать хоть в коляске, пешком добрался до Петербурга, добрался до первого трактира и велел подать себе что-нибудь поесть. С утра он ничего не ел. У него пересохло горло.

V

Он только что успел отдать хозяйке деньги и лег на свою убогую постель, забывшись

сном.

- Сердешный, как умаялся! Где-то ты побывал? - сказала хозяйка, принимая от него деньги.

На другой или на третий день прискакал фельдъегерь из Царского села и отыскал его, но он был без памяти. Около него стоял какой-то призванный хозяйкой лекарь. Фельдъегерь приехал, чтобы пригласить его на другой день к Дибичу. Но потрясенный нравственными впечатлениями, встречей с государем и словами его и Дибича, вследствие всего испытанного им, он заболел нервной горячкой и пролежал больной около шести недель. В это время от Двора приезжал не раз доктор и, вместе с призванным хозяйкой врачом, следили за его болезнью и лечили его, старались около него, как близкого своего знакомого. Хозяйка его и бывший у нее другой жилец ходили за ним как родные, так что через несколько недель он встал с постели и мог прохаживаться по комнате.

Между тем Двор не оставлял его без осведомления: почти каждый день курьер приезжал узнавать о его здоровье и наказывал хо-

зьяке, что как только он выздоровеет, то чтоб явился к генералу Дибичу.

Наконец Хабаров мог выйти со двора и явился к генералу Дибичу, когда тот приехал в Петербург. Он принял его ласково.

- Вот что государь велел мне вручить вам. - Он подал ему толстый пакет. - Место почтмейстера, которое назначено было для вас, уже занято, прибавил он. - Но вы получите, когда выздоровеете совсем, место смотрителя работ при строящемся в Москве храме Спасителя в память изгнания французов. Об этом уже писано в Москву.

Хабаров, возвратясь домой, нашел в пакете пять тысяч рублей ассигнациями, пожалованными ему государем. Когда он вновь обмундировался и явился к генералу Дибичу, тот сначала не узнал его, так он изменился к лучшему, потом сказал ему, чтоб он немедленно отправился в Москву, к месту нового своего назначения.

Хабаров не долго собирался, он распрощался с хозяйкой, с товарищами по житью, собрал свои вещи и белье и отправился в Москву. Но перед отъездом он зашел в Казанский

собор, долго молился и горячо благодарил за божественную помощь в претерпенных испытаниях и внезапную радость превратности судьбы.

В Москве тогда" архитектор Витберг задумал смелый план построить храм на Воробьевых горах. План этот был впоследствии оставлен, но в то время работы были в полном ходу, и Хабаров назначен был смотрителем рабочих. Он явился к митрополиту, к Витбергу, и занял свое место.

Углицкий, от которого я слышал этот рассказ, был у него в гостях в его палатке, видел кругом прекрасную обстановку, чистую постель, мебель, ковры, черешневые чубуки, янтари и прочее, что только могло льстить избалованному вкусу.

Хабаров рассказал ему эту самую историю и все то, что здесь мною со слов Углицкого записано.

20-го августа 1891.